

А.Ф. Писемский

Комик

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
А11

А.Ф. Писемский
А11 Комик / А.Ф. Писемский – М.: Книга по Требованию, 2021. – 56 с.

ISBN 978-5-4241-2876-9

А. Ф. Писемский - один из значительных русских писателей гоголевского направления. Многие острокритические рассказы, повести, драмы писателя имели широкую известность среди современников и не утратили художественную ценность и в наше время.

ISBN 978-5-4241-2876-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021
© А.Ф. Писемский, 2021

Писемский Алексей
Комик

Алексей Феофилактович Писемский

Комик

Рассказ

{1} - Так обозначены ссылки на примечания соответствующей страницы.

I

СОБРАНИЕ ЛЮБИТЕЛЕЙ

Нижеследующая сцена происходила в небольшом уездном городке Ж.. Аполлос Михайлыч Дилетаев, сидя в своей прекрасной и даже богато мебелированной гостиной, говорил долго, и говорил с увлечением. Убедительные слова его были по преимуществу направлены на сидевшего против высокого, худого и кособокого господина, который ему возражал. Прочие слушатели были: молодая девица, чрезвычайно мило причесанная, - она слушала очень внимательно; помещавшийся невдалеке от нее толстый и плешивый мужчина, который тоже старался слушать, хоть и зевал по временам; наконец, четвертый - это был очень приятный и очень искренний слушатель; с самую одобрительною улыбкою он внимал то Аполлосу Михайлычу, то кособокому господину, смотря по тому, кто из них говорил. Были, впрочем, еще двое собеседников, но они совершенно не прислушивались к общему разговору, сидели вдали от прочих и, должно быть, пересмеивали тех. Это были: молодая дама, стройная и нарядная, и молодой человек, тоже стройный и одетый с большими претензиями на франтовство.

Толстый мужчина был местный судья - Осип Касьяныч Ковычевский, человек, говорят, необыкновенно практически умный и великий мастер играть в коммерческие игры; приятный слушатель - Юлий Карлыч Вейсбор. Он был очень любим всем обществом, но, к несчастью, имел огромное семейство и притом большую жену, которая собственно родинами и истощена была: у них живых было семь сыновей и семь дочерей; но что более всего жалко, так это то, что Юлий Карлыч, по доброте своего характера, никогда и ничего не успел приобрести для своего семейства и потому очень нуждался в средствах. Нарядная дама приехала в город лечиться. Это была прелестная женщина, - немного, конечно, важничала и все бредила столицей, в которой была всего один раз, и то семи лет, но, вероятно, это происходило оттого, что она имела значительное состояние. Сидевший рядом с нею молодой человек приходился хозяину племянником и служил в Петербурге в каком-то департаменте писцом, а теперь приехал на три месяца в отпуск. Он тоже очень восхищался столичною жизнью. Молодая девица была его родная сестра; она воспитывалась и постоянно жила у Аполлоса Михайлыча. Что касается до сего последнего, то все его знакомые о нем говорили, что он был человек большого ума, чрезвычайной начитанности, высшего образования и весьма приятного обращения. Имея значительное состояние, он жил всегда в обществе, но не сходил с ним в главных интересах; то есть решительно не играл в карты, смеялся над танцевальными вечерами, а занимался более искусствами и сочинял комедии. Ко всему этому я должен прибавить, что, несмотря на свой пятидесятилетний возраст, Дилетаев был еще очень любезен с дамами и имел кой-какие виды на одну вдову, Матрену Матвевну Рыжову. Кособокий господин был тоже любитель театра, но только собственно трагедии и драмы. Он слыл в обществе за чудака, но, впрочем, имел порядочное состояние, держал музыку и был холостяк, - имя его Никон Семеныч Рагузов.

Спор между хозяином и кособоким господином зашел очень далеко: оба они на-

чали даже кричать.

- Дикая и варварская мысль! - произнес косой гость.

- Я с вами уже более не спорю, вы неизлечимы, - отвечал хозяин, - а спрошу вашего мнения, господа.

- Я совершенно с вами согласен, - отвечал приятный слушатель.

- А вы? - спросил Аполлос Михайлыч, обращаясь к плешивому мужчине.

- Вы говорите насчет комедии? - спросил тот.

- Да, насчет комедии. Я говорю, что это тоже высший сорт искусства.

- Ваша правда, действительно высший сорт.

Косой господин вскочил.

- Драмату-то вы, милостивые государи, - воскликнул он, - куда деваете? Как вы драмату-то уничтожаете с вашей комедией?

- Опять вы не понимаете того, что вам говорят, - возразил хозяин. Никто и не думает уничтожать вашей драмы. Мы сами очень любим и уважаем драматические таланты; но в то же время понимаем и комедию, говорим, что и комедия есть тоже высокое искусство.

- Да, искусство, но только балаганное, - заметил насмешливо косой господин.

Хозяин покатился со смеху.

- Ну, Никон Семеныч! - сказал он, махнув рукою. - Вы говорите такие уморительные вещи, что вам даже и возражать нечего, а надобно только смеяться.

Никон Семеныч побледнел.

- Смеяться я сам умею громче вашего, но не смеюсь, хотя ваши мнения и дерут мне уши, - возразил он.

- Мои мнения не могут драг драть ничьих ушей, - перебил хозяин, - я их высказывал в столицах, и высказывал людям, понимающим театр. И наконец: я мои мнения, Никон Семеныч, печатал и даже советовал бы вам их прочесть - они во многом могут исправить ваши понятия.

- Я уж стар учиться, особенно по вашим печатным мнениям.

- Учиться никогда не поздно... Вот это мне в вас и неприятно: вместо того, чтобы хладнокровно рассуждать о нашем деле, вы припутываете вашу личность и говорите потом дерзости! Я, конечно, вам извиняю, потому что вы человек энергический, с пылкими страстями и воображением, одним словом - бог вам судья - вы трагик, но, во всяком случае, не мешайте дела с бездельем.

- Кто ж вам мешает? Что вы хотите этим сказать? - перебил косой господин. - Вам самим было угодно пригласить меня сегодня на вечер, и я, кажется, сейчас же могу освободить вас от моего присутствия.

- То-то вот и есть, что вы все сердитесь, а хорошенько не хотите выслушать, - возразил Аполлос Михайлыч. - Дело наше очень просто и не головоломно: мы затеваем благородный спектакль - во-первых, для собственного удовольствия, во-вторых, для удовольствия наших знакомых и, наконец, чтобы благородным образом сблизить общество и дать возможность некоторым талантам показать себя; но мы прежде всего должны вспомнить, что у нас очень бедны материальные средства: у нас нет залы, мало денег, очень неполон оркестр. Приняв все это в расчет, мы и говорим, что должны играть какую-нибудь хорошую, но немногосложную комедию. Справедливо ли я, господа, говорю? заключил хозяин, обращаясь к слушателям.

Господа, за исключением косога, кивнули в знак согласия головою.

- Играйте бессмысленные водевили, кто вам мешает! - произнес Никон Семеныч.

- Нет-с, мы не водевили будем играть, но, как люди образованные, можем сыграть пиесы из хорошего круга. Я предлагаю мою комедию, которую все вы знаете и которая некоторым образом одобрена вами, а в заключение спектакля мы дадим несколько явлений из "Женитьбы" Гоголя - пресмешной фарсы, я видел его в Москве и хохотал до упаду.

- Я не могу участвовать, - сказал трагик.

- Отчего же не можете? Для вас именно в этом-то фарсе и есть прекрасная роль, которую вы отлично сыграете. Это роль Кочкарева - этакое живого, смешного чудака. В вас самих много живости и развязности: говорите вы вообще громко и резко.

- Благодарю вас за определение моего амплуа, - перебил обиженно-насмешливым голосом трагик, - но только я не принимаю на себя этой чести. Дураков я никогда не играл и не понимаю их, да и не знаю, стоит ли труда заниматься этими ролями.

- Я одного только не понимаю, - начал хозяин, - о чем вы беспокоитесь. Я прежде вам говорил и теперь еще повторяю, что собственно для вас мы согласны поставить сцену или две из "Гамлета", например, сцену его с матерью: комната простая и небольшая; стоит только к нашей голубой декорации приделать занавес, за которым должен будет кто-нибудь лежать Полонием. Дарья Ивановна сыграет мать; вы - Гамлета, - и прекрасно!

- Что вы такое говорите, Аполлос Михайлыч, я сыграю? - спросила сидевшая вдали дама.

- Я говорю, что вы сыграете, в сцене с Никоном Семенычем, Гертрудю, мать Гамлета.

- Помилуйте, я ничего не умею играть! Клянусь вам честью, я с первого же слова расхохочусь до истерики.

- Вы будете смеяться, а этот господин плакать, - это будет удивительно эффектно, - заметил шепотом сидевший около нее молодой человек.

- Нет, вы уж не извольте отказываться! Вы сыграете, и сыграете отлично, - возразил хозяин. - Ваша наружность, ваши манеры - все это как нельзя лучше идет к этой роли.

Трагик, слушавший эти переговоры с нахмуренным лицом, встал и взялся за шляпу.

- Куда же вы? - спросил хозяин.

- Нужно-с домой, - отвечал гость.

- Вы все сердитесь, но за что же? Для вас уж есть пиеса, где вы можете себя показать.

- Я не хочу себя показывать в какой-нибудь выдернутой сцене, в которой я должен буду плакать, а на мои слезы станут отвечать смехом.

- Но согласитесь, любезный Никон Семеныч, по крайней мере с тем, что не можем же мы поставить целую драму.

- Я против этого и не спорю. Нельзя поставить драму, а я не могу играть; потому что мое амплуа чисто драматическое и потому что я с вами никогда не соглашусь, чтобы ваша комедия была высший сорт искусства.

- Об этом я уже с вами говорить не хочу. В этом отношении, как я и прежде сказал, вы неизлечимы; но будемте рассуждать собственно о нашем предмете. Целой драмы мы не можем поставить, потому что очень бедны наши материальные средства, - сцены одной вы не хотите. В таком случае составимте дивертисман, и вы прочтите что-нибудь в дивертисмане драматическое, например, "Братья-разбойники" или что-нибудь подобное.

- Кто же будет играть других разбойников? - спросил трагик, которому, видно, понравилась эта мысль.

- В разбойниках мы не затруднимся. Разбойниками могут быть и Юлий Карлыч, - произнес хозяин, указывая на приятного слушателя, - и Осип Касьяныч, - прибавил он, обращаясь к толстому господину, - наконец, ваш покорный слуга и Мишель, - заключил Аполлос Михайлыч, кивнув головой на племянника.

- Эта роль без слов, mon oncle?* - спросил тот.

* дядюшка? (франц.).

- Конечно, без слов, - отвечал хозяин.

- Всякую бессловесную роль я принимаю на себя с величайшим удовольствием, и даже отлично сыграю, - отнесся молодой человек к молодой даме и захохотал.

- Вот вам и целая коллекция разбойников, - продолжал с удовольствием хозяин. - В задние ряды мы даже можем поставить людей, чтобы толпа была помногочуднее.

- Дело не в том, - возразил Никон Семеныч. - Мне кажется, что эффекту мало будет; неотчего ожидать этих прекрасных драматических вспышек.

- Что это вы говорите, - воскликнул Аполлос Михайлыч, - как нет драматических вспышек, когда вся пьеса есть превосходная драматическая вспышка! Сумейте только, почтеннейший, как говорит Фамусов, прочесть ее с чувством, с толком, с расстановкой...

- За этим дело не станет. Прочитать мы прочитаем, - отвечал Рагузов, но я боюсь еще, как публика поймет. Кто у нас будет публика?

- Публика поймет, - отвечал хозяин, - потому что публика в этом деле всегда и везде самый справедливый судья. Эту мысль я высказал даже в моей статье о В.....м театре. Сверх того, у нас будут люди и понимающие нечто, например: Александр Александрыч с семейством, Веснушкин, чудака Котаев. Эти люди, Никон Семеныч, видят далеко! В дивертисмане вашем Дарья Ивановна пропоет своим небесным голосом свой chef d'oeuvre* - "Оседлаю коня"{144}; Фани протанцует качучу.

* образцовое произведение (франц.).

- Я ее, mon oncle, совсем забыла, - проговорила молодая девушка.

- Ты не могла ее, моя милая, забыть, - возразил Аполлос Михайлыч, потому что ты только прошлого года изучила ее в Москве. Впрочем, застенчивость в этом отношении, mon ange*, даже смешна.

* мой ангел (франц.).

- Но, mon oncle, я не балетчица, а актриса.

- Все это я очень хорошо знаю, chere Fany*; но все-таки тебе стоит только вспомнить то соло, которое ты танцевала в Москве в благородном балете, то и этого уже будет весьма достаточно, а кроме того, ты не должна уже отказываться и потому, что это необходимо для полноты спектакля.

* дорогая Фани (франц.).

Трагик, все еще оставшийся в дурном расположении духа, встал.

- Доброй ночи, - сказал он.

Хозяин начал было его упрасивать досидеть артистический вечер, но гость уехал.

- Удивительно, какого несносного характера! - сказал Аполлос Михайлыч, пожав плечами, по уходе трагика. - Не глупый бы человек, но с самыми неприятными странностями - всегда и везде хочет, чтобы делалось по его. По способностям своим - комический актер, и даже актер недурной, а воображает себя трагиком, и трагиком вроде Мочалова. Когда ему начнешь что-нибудь говорить или читать, он никогда и ничего не слушает, а требует только, чтоб его чтением восхищались. Недели две тому, кажется, назад явился ко мне с своим Шекспиром - этикие маленькие синенькие книжки {145} - и начал читать просто сделал попытку! Вообразите себе - слушать двенадцать часов прозу, произносимую самым неприятным проносом и сопровождаемую самыми резкими движениями!

- Я говорила вам, mon oncle, чтобы вы его не приглашали, - заметила племянница.

- Нельзя, мой друг! Во-первых, его музыканты: не пригласи - осердится и не даст оркестра, а без музыки, ты сама знаешь, спектакля не бывает; а во-вторых, он и актер порядочный. Впрочем, господа, лучше потолкуемте о деле; позвольте мне представить вам маленький ярлычок. - Проговоря эти слова, Аполлос Михайлыч вынул из кармана небольшую бумагу и продолжал: - В пиесе моей роль виконта играю я; гризетку - Фани, - она эту роль прекрасно изучила; нечего конфузиться!.. Я в этом деле строг: дурно, так дурно, а хорошо, так хорошо; на роль маркизы я приглашу Матрену Матвевну - немного чересчур полна, но это ничего: она довольно ловка! Потом-с: некоторые сцены "Женитьбы". Вот тут маленькая заковычка: действующих лиц много - нынешние писатели вообще любят толпу, которая только в больших труппах возможна. Между нами сказать, я бы этой пиесе никогда не поставил: какой-то тривиальный фарс... смешна и больше ничего; но мне хочется это сделать для столицы - в Москве она очень всех сместила; придется, может быть, своим знакомым написать, что у нас был спектакль, давали "Женитьбу", там этого и довольно: все восхитятся! В этой шутке я думаю раздать роли таким образом: невесту будет играть Фани, сваху - Матрена Матвевна, она будет чуднейшая сваха! Экзекутора сыграете вы, Осип Касьяныч.

- Нет уж, Аполлос Михайлыч, меня, сделайте милость, освободите: я, право, никогда не игрывал на театрах и вовсе никакого желания не имею-с, отвечал тот.

- Полноте пустяки говорить, мой почтеннейший, - возразил хозяин. - Роль маленькая: на каких-нибудь трех страницах. Моряка сыграет Юлий Карлыч. - Эта роль очень добрая: лицо надобно иметь веселое, с приятной этакой улыбкой. Она очень будет вам по характеру. Кочкарева сыграет наш великий трагик, а

Мишель - Анучкина.

- А тут, mon oncle, надо будет говорить? - спросил племянник.

- Разумеется.

- В таком случае, слуга покорный, я решительно отказываюсь от всех словесных ролей, - отвечал Мишель.

- Нет, ты не можешь отказаться, если я этого хочу.

- Помилуйте, mon oncle! Вы захотите, чтобы я на канате плясал, возразил племянник, - так и должен я лезть на канат и сломать себе голову?

- И очень бы хорошо сделал, если бы в самом деле сломал и достал бы где-нибудь поисправнее!.. Как ты можешь не хотеть участвовать в том деле, в котором участвует все общество, в котором, наконец, участвуют твоя сестра и дядя?

- Что ж такое сестра и дядя? - возразил Мишель.

- Как что такое сестра и дядя?.. Ах, ты, бессмысленный повеса! Для него ничего не значат сестра и дядя; да сам ты что за великий человек? Не потому ли разве, что в департаменте бумаги подшивать выучился, невежа глупый?

- Вы можете сердиться, сколько вам угодно, а я не буду играть, - сказал молодой человек и ушел в залу.

- Дело в том, господа, - начал, поуспокоившись, хозяин, - нам недостает актера на главную роль - на Подколесина. Я вот третью ночь не сплю и все думаю об этом; намекнул было сначала на Харитонову, по наружности бы очень шел: толст, неуклюж, лицо такое дряблое - очень был бы хорош; нарочно даже в деревню к нему ездил, но неудача: третью неделю в водяной умирает. Хотел было напасть на учителя арифметики - тоже был бы приличен, - смиренный, тихий, но отказывается, - говорит, что ничего не может сыграть, особенно в дамском обществе. Хотел было завербовать аптекаря, наружностью тоже подходит к роли и играть бы согласился с удовольствием, но, к несчастью, по-русски ужасно дурно говорит, да и от природы картав.

- Я знаю одного актера, - заговорил Юлий Карлыч, - только угодно ли будет вам его принять?

- Сделайте милость!.. Почему же не принять? - возразил Аполлос Михайлыч.

- Слабость имеет большую: пьяница, говорят, и пьяница-то запойная.

- Что же он по крайней мере за человек? - спросил хозяин.

- Человек он не важный, здесь в питейной конторе служит.

- Каким же образом вы узнали, что он хороший актер?

- Нынче летом у меня Саша из гимназии приезжал, так сказывал, что он где-то на вечере, подгуляв, что ли, читал им какое-то сочинение: так, говорит, уморил всех со смеху. Саша даже мне все его передразнивал.

- Нельзя ли мне как-нибудь показать его? Я бы испытал его на Подколесине.

- В этом-то и трудность, Аполлос Михайлыч, он ведет очень странную жизнь: или сидит дома около жены, которой, говорят, ужасно боится, или безобразно пьян.

- Господи боже мой, какое несчастье! По крайней мере можно ли его каким-нибудь образом вызвать из дому трезвого? Не целый же день он пьян.

- Вы напрасно, Юлий Карлыч, - вмешался в разговор Осип Касьяныч, даете Аполлосу Михайлычу такой совет. Вы, вероятно, говорите о Рымове? Помилуйте, я его знаю: он человек совершенно потерянный; я полагаю, что это даже будет

неприлично и, вероятно, дамам неприятно.

- Как это сказать, Осип Касьяныч, - возразил хозяин, - что будет неприлично и неприятно дамам? В искусстве не должно существовать личностей.

- Как вам угодно, Аполлос Михайлыч, я сказал только мое мнение.

- Очень вам благодарен; но мы теперь рассуждаем не о том, что это за человек, а какой он актер.

- Актер превосходный, мне Сашенька сказывал, - подхватил Юлий Карлыч.

- Много ваш Сашенька понимает, - перебил Осип Касьяныч.

- Да я ничего и не говорю и сказал только свое мнение. Моего Сашеньку тут вам трогать нечего.

- Вас никто с вашим Сашенькой и не трогает, а говорят о Рымове да о дамах, которые не захотят с ним играть.

- Нет, Осип Касьяныч! При всем моем уважении к вам, я должен сказать, что вы говорите не дело. Наши дамы выше этих мелочей, - перебил хозяин.

- Как вам угодно, - отвечал судья, - ваше дело.

В залу, куда ушел молодой человек, вскоре за ним вышла и молодая дама.

- О чем вы мечтаете? - спросила она, подходя к нему.

- Я не мечтаю, но взбешен на этого старого хрыча.

- Не сердитесь на него, он вас любит.

- *Sacre Dieu!** Что мне в его любви?.. Помешался сам на театре и хочет всех сделать актерами. Очень весело учить какую-нибудь дрянь наизусть, пачкать лицо и тому подобные делать глупости.

* Проклятие! (франц.).

- Что ж такое? - Ничего, зато все общество будет вместе. На репетициях будет очень приятно: мы с вами будем сидеть, разговаривать, смеяться.

- Да, конечно, в таком случае это будет очень приятно, но я думал, что вы не захотите играть.

- Нет, отчего же не играть? Съезжаемся же на вечера. Роли, конечно, я не стану учить, а выйду да постою.

- Вам можно это делать, Дарья Ивановна; но меня он будет заставлять учить и ломаться.

- А вы не учите, выйдите, постоит, да и уйдете.

- Я с ним сделаю штуку. На репетициях буду, а как надобно будет играть, и притворюсь больным. Ах, только как я посмотрю, какая у вас здесь, против Петербурга, ужасная жизнь: ни воксалов, ни собраний, ни гуляньев, а только затевают какие-то дурацкие театры.

- Что делать! Провинция. Что нынче больше танцуют в Петербурге?

- Перед моим отъездом вошла в моду полька *tremblante*.

После этого разговора дама скоро уехала, а молодой человек ушел к себе в комнату.

Два собеседника Аполлоса Михайлыча, судья и Юлий Карлыч, несмотря на происшедшую между ними маленькую размолвку, вместе простились с хозяином, вместе вышли и даже сели в один экипаж.

- Ну, оттерпелся! - произнес Осип Касьяныч. - Дает же бог таким скотам состояние, - продолжал он, - вместо того чтобы тешить общество приличным образом, давать бы, при таких средствах, обеды, вечера картежные, так нет,

точно белены объелся: театр играть вздумал; эких актеров нашел; а поди откажись, так еще неприятность какую-нибудь сделает. Вот сегодня надо было у Алмазова партию составить, - вот тебе и партия, просидел на дурацком вечере, да и только... Обоих бы их с Рагузовым на одну осину, проклятых, повесить; тот хоть по крайней мере сам благует, а этот еще других ломаться заставляет на его потеху. Удивительно, какое скотство!

- Уж не говорите лучше, Осип Касьяныч, - произнес Юлий Карлыч, - вон у меня жена больна; письмо надобно было писать, а что делать - просидел вечер.

- Ну, уж и вы-то хороши с вашим смешным характером: актера там ему приискали - какого-то пьяницу. Я молил бога, чтобы и те-то разбежались, а вы еще новых отыскиваете.

- Нельзя, почтеннейший, ей-богу, нельзя! Войдите вы в мое положение! На прошлой неделе занял у него триста рублей: вы сами вот говорите, что нельзя отказать, потому что неприятности станет делать.

Фани более всех сочувствовала дяде; она, еще при гостях, ушла в наугольную комнату и при лунном свете начала повторять качучу, которую должна была танцевать в дивертисмане.

Никон Семеныч, приехав домой, тотчас же взялся за поэму Пушкина "Братья-разбойники". Сначала он читал ее про себя; потом, одушевившись, принялся произносить вслух и затем, вскочив, воскликнул:

О юность, юность удалая!

Житье в то время было нам,

Когда, опасность презирая,

Мы все делили пополам.

Единственный зритель его декламации, огромная легавая собака, смотревшая сначала на господина своего какими-то ласковыми глазами, на этом месте, будто бы вместо аплодисмана, начала на него лаять; но трагик не обратил внимания, продолжал и dokonчил всю поэму вслух.

II

КОМИК И АНТРЕПРЕНЕР

Рымов, о комическом таланте которого так выгодно отзывался Юлий Карлыч, был такое незначительное в городе лицо, что о нем никто и нигде почти не говорил, а если кто и знал его, то с весьма невыгодной стороны: его разумели запойным пьяницей. В контору и обратно он ходил почти всегда в сопровождении жены, которая будто бы дома держала его на привязи; но если уж он являлся на улице один, то это прямо значило, что загулял, в это время был совершенно сумасшедший: он всходил на городской вал, говорил что-то к озеру, обращался к заходящему солнцу и к виднеющимся вдали лугам, потом садился, плакал, заходил в трактир и снова пил невероятное количество всякой хмельной дряни; врвался иногда насильно в дом к Нестору Егорычу, одному именитому и почтенному купцу, торгующему кожами, и начинал говорить ему, что он мошенник, подлец и тому подобное. Его, разумеется, выталкивали, и таким образом он шлялся весь день, жалкий и безобразный, до тех пор покуда не ловила его Анна Сидоровна (его жена) и не уводила с помощью добрых людей домой. Что она потом предпринимала, неизвестно, но только Рымов исправлялся и начинал ходить опять в контору. В трезвом состоянии он был очень молчалив и отчасти суров; с товарищами и подчиненными почти не говорил ни слова и даже главно-